

Н. А. Купина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4154-7323

Ю. Б. Пикулева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1948-3594

 E-mail: natalia_kupina@mail.ru, pik@bk.ru.

Аксиологическое содержание внутрисемейных разговоров о политике

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются записанные в 2018—2019 гг. внутрисемейные разговоры о политике. Коммуниканты, с разрешения которых осуществлены записи, — открыто выражающие гражданскую позицию жители Екатеринбурга, состоящие в отношениях родства: пенсионеры (в недавнем прошлом рабочий, работница и инженер), представители среднего поколения (рабочий, школьный учитель, преподаватель вуза). Объект анализа — аксиологическое содержание фрагментов диалогического и полилогического взаимодействия, характеризующихся тематической определенностью. В центре внимания коммуникативных партнеров — факты и события внутренней и внешней политики. Взвешенное и одновременно равнодушное отношение к политической действительности позволяет сделать вывод о том, что политика становится органической составляющей аксиологии повседневности. В соответствии с целевой установкой, направленной на выявление и обобщение аксиологических ориентиров, определяющих отношение российских граждан к политике, для специального лингвоаксиологического анализа выделяются номинации базовых ценностей, оценочные слова и словосочетания, **я-высказывания**, транслирующие аксиологические установки и суждения о политике. Установлено, что рационально-аналитический подход к советскому прошлому и постсоветскому настоящему, реалистическое отношение к законодательным инициативам сочетаются с ментально заданными эмоциональными реакциями, гиперболизацией последствий внешнеполитических событий. В ходе анализа выделены «руководящие» ценности: **человек, семья, дети, работа**; базовые ценности, составляющие основу социально ориентированной политики (экономической, энергетической, демографической): **справедливость, качество жизни, трудовая солидарность, гражданская активность**; собственно политические ценности: **гражданский долг, стабильность, независимость, обороноспособность, опережающее развитие страны, многополярный мир**. Не подавляет чувства гражданской общности выявленная тенденция к усилению персонализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологический выбор; аксиология повседневности; гражданский долг; общие идеи; персонализм; разговоры о политике; риторика; устная речь; жители городов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пикулева Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: pik@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Купина, Н. А. Аксиологическое содержание внутрисемейных разговоров о политике / Н. А. Купина, Ю. Б. Пикулева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 84-93. — DOI 10.26170/pl20-03-09.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города».

Современный политический язык не является самостоятельной функциональной разновидностью общелитературного языка, хотя и располагает системой маркированных средств, предназначенных для обозначения и оценки реалий, связанных с деятельностью государственной власти, партийным строительством, внутренними проблемами страны и регионов, а также международными отношениями. Новости политики активно обсуждаются не только в СМИ — «едва ли не каждый

гражданин страны стремится осмыслить российскую социальную действительность» [Чудинов 2001: 6] и события международного значения. Обвальная деполитизация тоталитарного языка советской эпохи [Мокиенко 1998], сформировавшего коллективное «дисциплинированное мышление» [Клемперер 1998: 243], способствовала освобождению «я аксиологического», обусловила особую «комбинацию ценностей как составляющих сознание отдельного субъекта» [Гайда 2016: 19].

Независимая политическая позиция, субъективные оценки, которые говорящий свободно вербализует в доверительном межличностном общении, по понятным причинам остаются за пределами непосредственного объекта политической лингвистики. Представляется, что при условии разграничения политических текстов [См.: Теория и методика лингвистического анализа политического текста 2016] и текстов о политике целесообразно изучать последнюю разновидность для выявления особенностей отражения политических событий в обыденном сознании.

В статье анализируются расшифрованные аудиозаписи разговоров родственников, связанных ощущением органической семейной близости, которая поддерживается многолетними коммуникативными контактами, взаимопомощью, неформальным участием в жизни друг друга, бережным сохранением памяти об умерших (семейный архив включает документы, дневники, письма, фотографии). Общий объем записей, сделанных в 2018—2019 гг. с разрешения информантов, — около 10 часов.

Диалоги и полилоги характеризуются свойственной разговорной речи политематичностью: «< > доминируют темы, связанные с информированием ... о жизни и делах друг друга» [Байкулова 2014: 14], однако не остаются без внимания текущие политические события. Непосредственный объект исследования — «ценностные тематические фрагменты, в которых оценивание направлено на внекоммуникативное содержание разговора» [Матвеева 2018: 94]. Специально выделяются реплики и двуреплики, задающие обсуждение актуальных политических вопросов.

Участники диалогов и полилогов — жители Екатеринбурга: **А.** — женщина, 42 года, преподаватель вуза; **П.** — отец **А.**, 68 лет, пенсионер, в недавнем прошлом рабочий завода; **М.** — мать **А.**, 68 лет, пенсионерка, в недавнем прошлом инженер-конструктор; **Т.** — тетя **А.**, сестра **П.**, 66 лет, пенсионерка, в недавнем прошлом работница фабрики; **С.** — двоюродная сестра **А.**, племянница **М.**, 32 года, учитель средней школы; **Н.** — двоюродный брат **А.**, племянник **М.**, 38 лет, рабочий комбината.

В беседах, неприменной участницей которых является **А.**, выражают свое отношение к политической жизни представители старшего поколения, пенсионеры, трудовая жизнь которых была связана с заводами и фабриками Екатеринбурга, а также представители среднего поколения: рабочий, учитель, преподаватель вуза. «Субъектно-субъ-

ектный» принцип кооперативного диалогического взаимодействия [См.: Винокур 1993: 160], которого придерживаются коммуниканты, обеспечивает свободную реализацию права на выражение личной позиции, толерантное отношение к противоположной точке зрения.

Для пенсионеров главным источником информации о политических событиях являются телевизионные передачи. Телевизор, вытеснивший печатную прессу, не выключают даже на даче. Политика становится органической составляющей аксиологии повседневности:

А. Ты газеты вообще сто лет не читал //

П. Да зачем газеты? Целый день эта политика //

А. А-а / ну понятно //

М. Мы вообще не выключаем телевизор //

П. У меня и здесь идет / и там идет //

М. Я на огороде заскочила тут / все новости узнала / опять убежала //

А. Погружены в процесс?

М. Не отстаем от жизни / обсуждаем //

Освещение политических новостей телеведущими воспринимается критически. Осуждается излишняя пафосность и тенденциозность. Эти оценки, как свидетельствует разговор **А.** с матерью, разделяют работающие люди среднего возраста:

М. Мы «Россию 1» смотрим //

А. О-о-о...

М. Там Скобеева с Поповым только что //

А. О боже!

М. Ещё это / потом...

А. Истерят в очередной раз?

М. Соловьев потом сразу //

А. О боже! Ещё один //

В достоверности политической информации и объективности ее освещения сомневаются пользователи Интернета — учитель школы (**С.**) и вузовский преподаватель (**А.**):

С. ... а ты понимаешь / что в Интернете / ну опять же одну и ту же информацию можно подать / и с позитивом и с негативом // То есть он (о муже **С.**) нашел такую // Ну не знаю /

А. (перебивает) информацию / просто Интернет подкидывает такие же информации // Они же понимают / там же анализатор-то / стоит.

С недоумением оценивает **С.** идеологическую позицию мужа, который, будучи активным пользователем Интернета, увлекся идеями сторонников оппозиционера А. Навального:

С. Он видишь / как-то / ведётся на / всяких вот этих Навальных там и так далее / прямо серьёзно ведётся // Притом что как бы ну (подбирает слова) // Если сейчас всё поломать / и заново пытаться строить / будет ещё хуже / по моему пониманию //

А. Ну //

С. А ему как бы / а он вот эти вот как бунтарство / как отец вот его / как отец //

А. Угу //

С. Сам себя накручивает // Боюсь чтобы он каким-нибудь диагнозом не закончил из-за этого / потому что / ему это не нравится / это не нравится / то не нравится / всё не нравится // Вот // Такая вот штука //

А. Ну да //

Бунт, разрушение исключаются из системы персональных ценностей. «Опыт очевидности» [Ильин 1994, т. 3: 500; 543], основанный на аналитическом подходе к недавнему историческому прошлому и проживаемому настоящему, мотивирует аксиологический выбор **политической стабильности**. Для **С.** не характерно приукрашивание действительности. Она четко формулирует ценностную установку: *Если сейчас всё поломать / и заново пытаться строить / будет ещё хуже*. Непродуктивным, с ее точки зрения, является политический радикализм: уничижительная маркированность сопровождается употреблением имени собственного в форме множественного числа (*Навальные*). Отторгаемое **бунтарство** понимается как наследственная черта характера (он ... *как отец вот его / как отец*), которая чревата психическими отклонениями (*Боюсь чтобы он каким-нибудь диагнозом не закончил из-за этого*). Аксиологические предпочтения — следствие независимого взгляда на внутривнутриполитическую ситуацию. В рассуждениях **С.** проявляются «три основные характеристики ценностей — их смысловая природа, мотивационная обусловленность и ориентационный вектор» [Карасик 2019: 7].

Отличительная черта персонального восприятия политической действительности — вербальные «формы проявления национальной ментальности» [Колесов 2006: 437]. Как личная драма воспринимаются недружественные отношения между Россией и Украиной, способствующие возникновению межличностного разлада. Некоторые из родственников (в их числе двоюродная сестра **А.** и **Н.** Татьяна) являются гражданами Украины. Судьба родных, проживающих в соседней стране, не безразлична россиянам вообще и в частности **Н.** — 38-летнему уральскому рабочему. Фрагмент диалогизирован-

ного монолога, который приводится ниже, содержит не только прямооценочные номинации, но и эмоционально-экспрессивную лексику, свидетельствующую о душевных переживаниях **Н.** Ср.: *не люблю, не нравится, очень неприятно и очень переживаю, прям на нервах, нервничаю, обида берет, я в шоке был, меня напрягло*. Эмоциональное напряжение связано с разным пониманием родственниками позиций России и Украины в газовом конфликте. Характерно, что и **Н.**, и Татьяна отстаивают «позицию коллективной личности» [Бахтин 1979: 159]. Сквозной является оппозиция **мы** — **они**, способствующая охлаждению межличностных родственных отношений:

Ю. Давай за политику поговорим //

Н. А чо за политику / за политику поговорим? // Чо / чо поговорить за политику? // (вздыхает) *Не люблю предателей // Хохлов / те которые / <неразб.> посчитали нас за ненужных // Их / для них / для них всё постарались сделать / знаешь // А они ведут себя / как будто мы ничего им там не даём // Вот это мне не нравится // (вздыхает) Очень переживаю за это дело // Прям на нервах / вот реально / нервничаю что-то // Я не боюсь что там знаешь что-то / ни войны / не боюсь там / ничего // А вот именно / обида берёт за людей // Ребята / мы же с вами так жили хорошо! Постоянно всё для вас // Родня смотрит / блин / родня / родня отвернулась // Это что такое? Я вообще в шоке был вот // Татьяна // Меня конечно напрягло в свое время когда она / приехала и сказала // А почему вы газ нам так дорого продаете? Я ей тогда ответил / Татьяна / Ты извини // Мы за газ платим дороже чем вы // Мы дороже покупаем газ здесь / а вы еще хотите / чтобы мы его вам дарили что ли? Она похоже этого так и не поняла.*

Использование неофициального этнонима (*хохлы*) мотивировано категорическим неприятием предательства, которое, как полагает **Н.**, проявляется в демонстративном дистанцировании украинцев от россиян (*посчитали нас за ненужных*), в очевидной меркантильности (*они ведут себя / как будто мы ничего им там не даем*). Крик души (*Ребята / мы же с вами так жили хорошо!*) таит надежду на возрождение братских контактов, органичных в недавнем прошлом.

Аргументация правоты российской стороны основана на ощущении несправедливости (*Мы за газ платим дороже чем вы // Мы дороже покупаем газ здесь / а вы еще хотите / чтобы мы его вам дарили что ли?*). **Н.** чувствует себя причастным к энергетической политике страны. Он понимает, что

щедрость (хотя Россия и щедрая душа) имеет определенные пределы. Разумные доводы, однако, не убеждают двоюродную сестру (*Она похоже этого так и не поняла*). Близкие люди стали заложниками большой политической игры (*родня отвернулась*), а разобщение родных страшнее войны (*войны не боюсь*). Именно **семья** — большая и дружная — мыслится в идеале как не подлежащая разрушению базовая ценность.

Н. — сознательный гражданин, признающий иерархию ценностей. Выше блага личного оказывается обороноспособность страны, ее могущество и превосходство. Инновации, опережающее развитие, мощное вооружение — вот что определяет чувство гордости за свое отечество. Оправдывая государственную политику в целом, он в то же время возражает против резкого повышения налогов, ибо общенародной ценностью остается **качество жизни**:

Н. <...> Мне не нравится / что у нас налоги подняли // Но мне нравится политика наша // Хотя я прекрасно понимаю / что эти налоги им надо было поднять просто / для того чтобы элементарно / обороноспособность поднять // Нужны деньги все равно на многое // То есть мы столько лет молчали / столько лет ничего не делали / ничего не предпринимали // Двадцать лет мы грубо говоря / сидели и хвастались старьем // нашим старым вооружением / старыми / историческими фактами / которые / практически все уже забылись // Гордились вот этим вот / сейчас надо как-то... просто я / мне не понравилось / как все это резко происходит // Я считаю так / что надо / прежде чем налоги поднимать нужно поднять уровень жизни / чтоб у человека уровень жизни остался на прежнем уровне //

Задача государства, с точки зрения **Н.**, — наращивать мощь страны, не снижая уровня жизни людей. Лексема человек выступает как аксиологема — концепт, «который воспринимается носителями языка (точнее лингвокультуры) как абсолютная ценность» [Кретов, Стародубцева 2016: 140]. Я-высказывания оформлены как аксиологические суждения патриота России, который гордится ее достижениями, но считает себя вправе критически относиться к имеющимся перегибам.

Отрицательно, хотя и не без иронии, члены семьи относятся к пенсионной реформе и ее освещению в СМИ. Собравшись на даче, они дружно обсуждают социальный аспект актуальной проблемы. «Языковая рефлексия» [Вепрева 2002] обнаруживает общность в оценках:

А. Сейчас начались передачи все / настолько оправдывающие эту реформу пенсионную //

Все. О-о-о...

Т. Долбят нам //

А. (передразнивает героя телепередачи) Я же / да мне же дали пенсию по старости / я же чувствую себя оскорбленной что меня называли «по старости» //

М. Мы тоже хохотали / но мы радовались //

А. (перебивает) Дайте деньги / назовите как угодно // Дайте деньги (смеется) / смешные //

Т. Если бы они давали //

А. Это...

Т. (продолжает фразу) нам пенсию двадцать пять тысяч / я бы согласилась.

Пропагандистские технологии (*долбят нам*), манипулятивная игра номинированными концептуальными смыслами (*старость, деньги, пенсия*) вызывает аксиологическое сопротивление.

Не понаслышке знающие, что значит **полный рабочий день, самоотверженный труд, зарплата бюджетника**, мыслящие люди высмеивают беспомощную агитацию, открыто выражают трудовую солидарность с работающими на заводах, в шахте, в учебных заведениях, больницах. **Почему люди работают?** Фальшивым признается ответ на поставленный вопрос, преувеличивающий значимость увлеченности работой, погруженности в процесс и акцентирующий несущественность для профессионала фактора денежного вознаграждения. Аксиологическую маркированность получает вербализованное в полилоге сопоставление (*Денег не хватает — Потребность у них* (работающих) *такая / вкалывать*), в границах которого формируется коллективная точка зрения.

М. Люди работают из-за того что...

А. денег не хватает! Конечно!

П. А они понимают что / люди работают потому что / (издевательским тоном) ну не могут они не работать //

А. (говорит одновременно с **П.**) Дома сидеть не могут //

П. (с иронией) Ну не могут // Потребность у них такая / вкалывать //

М. Ой!

Т. Правильно // Они там у Думе сидят / им там всем по семьдесят лет //

М. А сидеть-то чо / правда?

Т. Они думают / у станков тоже сидят //

М. И вот именно ведь //

А. (неуверенно) Не... ну льготы там ведь остаются? Для тяжелых-то / на тяжелых работах?

М. *Пожилые-то ведь останутся на работах которые это //*

Т. *Если эта пенсия изменится / значит и ту / подвинут //*

М. *Ну мы почему-то...*

А. (перебивает) *Не ну про забой-то уже / наверное уже не поднимут (о пенсионном возрасте) / чо уж там люди подбиваются / про забой / шахтеры //*

М. *Да / там да с вредностью // Рентгенологи вот эти вот знаете / даже врачи вот многие / которые вот это //*

А. *Меня волнуют педагоги //*

М. *Педагоги всегда были в школе на привилегированном // Они же на пенсию-то уходят рано //*

А. *Ну вот меня волнуют педагоги //*

М. *А ты-то не педагог!*

А. *Я не педагог / я вообще в принципе / я за / за смежную специальность болею / Потому что / это же адская работа //*

Оппозиция **они** — **мы** (разработчики проекта пенсионной реформы — трудящиеся) вскрывает ироническое отношение к тем, кто не знает ничего, кроме сидячей работы, со стороны тех, кто занят работой, требующей физических и морально-нравственных усилий. Дистанцированность от народа, непонимание специфики жизни человека труда — причина разработки спущенных сверху несправедливых реформ. Языковая игра (*Они там у Думе сидят <...> / Они думают / у станков тоже сидят*) смягчает критику власти. Признается, что *льготы ... остаются* и можно было бы согласиться с поздним выходом на пенсию, *если бы они давали нам <...> пенсию двадцать пять тысяч*. Прослеживается устойчивость идеологем единения, солидарной готовности людей труда к конструктивному обсуждению законодательных инициатив.

Отдельная предметная тема — основы демографической политики. Например, беседа с тетей, **А.** рассматривает семейные фотографии и интересуется судьбой рано умершей прабабушки, которая родила дочку в сорок два года. «Всеохватное понятие „память“ оживляет „жизнєвремя“» [Прозоров 2019: 66]. Пожилая женщина, изнутри знающая нормы и законы советской жизни, мотивирует вынужденные поздние роды демографической политикой государства, направленной на *восполнение населения*. С пониманием женщины относятся к *налогу на бездетность*:

Т. *Вот // А тогда-то / как говорится / раз забеременела / если есть возможность воспитывать / то воспитывай / тогда же приветствовалось после войны //*

А. *Угу //*

Т. *Больше / чем больше детей тем лучше // После войны же много же...*

А. *Ну да //*

Т. *Детей погиб... / не детей а вообще / людей погибло //*

А. *Восполнение населения / да //*

Т. *Населения // Поэтому ведь / платили же деньги за бездетность / я ещё платила деньги за бездетность //*

А. *Ну-ну-ну //*

Т. *Это уже вообще / поздним-поздно уже совсем это как ее самое / я по-моему еще / уже на фабрике работала / отменили / бездетность //*

А. *Отменили потом?*

Т. *Да-а-а //*

А. *Да? Прямо официально?*

Т. *Да / такого налога не стало // Ну там до сколькú / до сколькú-то лет / я не помню //*

А. *А-а! Ну в смысле //*

Т. *До сорока по-моему / у женщин // По-моему у женщин до сорока //*

А. *Понятно //*

Т. *А у мужчин по-моему или [пи]десят / по-моему у мужчин [пи]десят // Определенный возраст был // Вот // А у нас сейчас видишь какие мужики? И в шестьдесят рожают (смеется) //*

А. *Дак и в семьдесят!*

Т. *И в семьдесят.*

Гендерно значимые проблемы репродуктивного возраста, содержания и воспитания ребенка интерпретируются на шкале времени. *Налог на бездетность* трактуется как осознанная необходимость.

Устойчивым является осознание гражданского долга. Так, в день всенародных выборов Президента РФ родные обсуждают посещение избирательных участков. Личное участие в голосовании одобряется. Сквозной является охваченная модальностью долженствования установка: *Надо пойти проголосовать*. Уклонение от участия в выборах осуждается:

С. *Сходила проголосовала / а Андрюха (о муже) не ходит не голосует прямо / не хочется на выборы ему прямо / (рычит, демонстрируя сильное возмущение) А-а-а //*

А. *М-м...*

С. *А в чем смысл? Ну не пришел ты на выборы? За тебя взяли проголосовали кто-нибудь еще //*

А. *Угу //*

С. *Ну в крайнем случае / или / ну чо / или никто не проголосовал / то есть меньше явка / да? Как бы никакого / ни жарко ни холодно / по-моему // Надо пойти проголосовать уже ну / выразить свое мнение / ну даже против всех //*

Персонализм проявляется в признании права на собственное мнение, не исключающее возможности голосования *против* всех. Отметим, что аксиологическое содержание как данного, так и других проанализированных диалогов и полилогов позволяет выявить общую тенденцию: в XXI веке преодолевается характерное для советских людей «заблуждение: все должны думать одинаково» [Мустайоки 2012: 142], однако все-народные акции признаются обязательными для каждого.

Избиратели ревностно следят за явкой. Низкая явка вызывает озабоченность; высокая — одобрение:

П. Ну у нас очередь была / нормально как-то // А вот шестьдесят девятый дом / шестьдесят девятый дом тот не очень //

А. Я в принципе посмотрела там / по подписям-то / где мы расписывались / ну посмотрела по подписям // Так-то народу еще немного проголосовало / ну мы были в одиннадцать //

П. Ну / подтянутся / выпьются / всяко разное и / пойдут //

А. Понятненько //

Одобрительно оцениваются новейшие компьютерные технологии, польза которых выходит далеко за пределы процедуры голосования.

П. И Люба (голосующая не по месту жительства невестка **П.**) что ли там голосовала?

А. Да-да-да // Она прямо к председателю этой комиссии //

П. Ну она там что-то типа открепительного талона брала //

А. Да-да-да // Вот умеют люди! / Они зарегистрировались на этой системе госуслуги-то //

П. Ну //

А. И они умеют / надо вот мне тоже зарегистрироваться // А ты не регистрировался / не помнишь?

П. Нет //

А. Там ведь можно / прямо / информацию получать / и по / налогам / и по / штрафам / и по / там записываться к врачу и так далее //

Гражданская активность проявляется в добровольном голосовании за муниципальные проекты, направленные на благоустройство города. В беседе с матерью, которую близкие любовно называют *Манáдей*, **А.** рассказывает о своем осознанном выборе (в ее речевую партию органически включаются вербальные сигналы топонимии Екатеринбурга):

А. Там на входе / ну как бы не на входе / на входе в рекреацию / стояли два молодых

человека / и / предлагали там можно было проголосовать за / э-э-э / проекты благоустройства / то есть там какой-то «Зеленую рощу» / предлагают какой-то проект благоустройства //

М. Где? У нас здесь?

А. Ну да / прямо там на этом / на избирательном участке // Ну там просто в другой рекреации / по ходу / там где лестница // Потом что-то там набережная реки / когда идешь там //

М. А-а / ну //

А. Малышева-Куйбышева / там еще что-то //

М. Так видишь / мы же не знаем это вообще тот район //

А. Мы любопытные / мы зашли / посмотрели //

М. И чо там?

А. Там на картинках нарисовано типа как это будет // Ну пошли проголосовали // Ну там как бы на выбор были четыре проекта / и можно было поддержать один два или три //

М. Ага //

А. Ну я поддержала те / которые находятся / в зонах / моей / шаговой доступности или там где я хожу // Там вот например Зеленая роща она для меня совершенно незнакомая территория / я уже не стала ее голосовать / А сквер около Оперного театра / дак конечно я за // Что уж //

Включенность в решение проблем благоустройства, экологии — одно из типичных проявлений персонального аксиологического выбора.

Активное участие членов семьи в процедуре голосования подтверждается шутиливой тональностью двуреплики:

М. Все / проголосовали?

А. Ой проголосовали-проголосовали //

Из аксиологического содержания разговоров о голосовании на всероссийских выборах следует, что равнодушные горожане ощущают себя активными гражданами большой страны, которых объединяет **общая идея** гражданского долга.

Гражданская позиция проявляется в беседах о широко обсуждаемых в СМИ событиях, связанных с внешней политикой. Таково, например, «дело Скрипалей», обострившее отношения России и Великобритании. Спор, возникший между дочерью и отцом, обнаруживает ментальную склонность к укрупнению проблемы и глобальному прогнозированию. В этой связи отметим отсутствие в речевых партиях говорящих наведенного ситуацией ключевого слова «Новичок». Не обсуждаются происхождение ядовитого вещества и факт отравления. В цен-

тре внимания — **мировое закулисье**, претензии на мировое господство, ответные шаги России и всех стран, направленные против реализации концепции однополярного мира:

А. (реагирует на включенный телевизор)
О [h]осподи опять там чо-то это / в новостях //

П. А-а-а / Манадя тут чо-то смотрит //

А. Угу // Меня вообще умиляет / меня потрясает просто вот это / э-э // Сначала всех собак спустили / побомбили-побомбили а теперь как бы / все нормально // И главное больше никто ничего не говорит //

П. Кого?

А. Да эти [h]осподи / Скрипали // ё мое!

П. А-а / уроды блин / они их куда-то спрятали на хрен / ваще //

А. И главное я не понимаю почему мир вообще не учится /

П. (перебивает) А-а мир...

А. на своих ошибках?!

П. Они боятся слово сказать / потому как / америкашки / их всех затюкали //

А. Мне кажется знаешь что / вообще как бы серый кардинал все-таки Британия // Они там это //

П. Ну //

А. Рулят //

П. Там все они хороши //

А. Да // Понятно.

Субъективные эмоциональные реакции **А.** (меня умиляет, меня потрясает) вызваны противоречивостью, недостоверностью освещения событий западными СМИ (Сначала всех собак спустили ... теперь как бы / все нормально). На сформулированный дочерью глобальный вопрос, содержащий скрытое осуждение (... почему мир вообще не учится ... на своих ошибках?!), отец отвечает автоматически: Они боятся слово сказать / потому как / америкашки / их всех затюкали. Оживают пропагандируемый советской государственной идеологией образ врага и контактный стереотип **Враг должен быть уничтожен**:

П. Куда они этих Скрипалей девали хрен его знает / Надо мир поднимать / разыскивать / чо за дела-то?

А. Главное цинизм с которым все это происходит / меня просто потрясает //

П. Это / это вообще / их уничтожать надо на хрен // У-нич-то-жать!

А. не может понять и принять идеологический максимализм, непримиримость, догматизм отца. Она пытается его урезонить, снизить накал страстей, перевести спор в рациональное русло. Межпоколенческий конфликт поддерживают имплицитные суж-

дения: **Американцы правят миром, поэтому необходимы крайние меры, вплоть до уничтожения США и подвластной им Британии** (позиция **П.**, мировоззрение которого сформировала советская идеология). Ср.: **Необходимо развивать новое политическое мышление, искать компромиссы, добиваться согласия** (позиция **А.**, ценностные предпочтения которой сформировались в постсоветскую эпоху):

А. Ну ладно пап! / Ты чо так это //

П. Две страны / Британию и США // И в мире будет споко-ойствие и тишина //

А. Пап ну / это слишком крайние меры //

П. Нет это нор... нормальные меры //

А. Нет // Там надо воспитывать новых политиков //

П. Не-ет / Там бесполезняк //

А. Ну пап...

П. Их надо просто с лица земли к едрене фене и все дела // И сразу в мире наступит / мир миру как говорится //

А. Не дай бог / не дай бог вот ну / как бы стоит ввязаться / будет третья мировая //

П. Ну ак чо ж //

А. (передразнивает) К чо ж к чо ж //

П. Хорошо не жили и не хрен начинать / как говорится //

А. Нет / у нас два мальчика подрастают // Я хочу чтобы они жили в мире //

П. Ну и / когда нам давали жить-то спокойно? Ты вот сама подумай / Историю-то так вот прикинь //

А. Ну по крайней мере как бы...

П. Ну были там лет пять-шесть / потом опять //

А. Но ваше поколение по крайней мере как бы вот / в активных войнах-то не участвовало собственно // Не / конечно был Афганистан но как бы / это уже другое поколение / Чечня была //

П. Афганистан / Чечня // Ты чо? Все было // Мы вон / только успевали отмахиваться // Чернобыль / И всяко разное / У-у-у // Елки-палки / чо было / Никогда нас в покое не оставят / пока мы их блин в землю не закопаем //

А. Ой папа!

П. Это точно //

А. Да ладно...

П. Да ладно все / хватит //

А. Все / мир миру.

Возможность Третьей мировой войны трактуется **П.** с опорой на аксиологию истории как осознанная необходимость. Мысль о том, что Россия — страна, победившая фашизм, страна, которой удалось преодолеть непреодолимое, — кажется ему невыноси-

мой. Единственный выход — *Их надо простить с лица земли ... и все дела*. А. твердо уверена: необходимо сделать все, чтобы избежать развязывания Третьей мировой войны ради детей (*... у нас два мальчика подрастают // Я хочу чтобы они жили в мире*). Многополярный мир, равноправие стран, антимилитаристская политика, предполагающая поиски компромисса ради благополучия детей — ценностные ориентиры постсоветского общественного сознания.

Срезовой анализ внутрисемейных разговоров о политике позволяет не согласиться с мнением о том, что социально-экономические процессы и сопровождающая их деидеологизация языка «ампутировали» у россиян «вместилище для общих идей» [Аверинцев 2003: 148]. Представляется, что по сравнению с советским временем иными стали «руководящие ценности» [Бахтин 1979: 142]. Сегодня это ценности семьи и работы. Не утратился человекоцентризм мировосприятия, обуславливающий ценностное отношение к текущей политике. Не случайно в фокусе внимания оказываются оцениваемые сквозь призму социальной справедливости законодательные инициативы государственной власти, влияющие на уровень жизни российской семьи.

Аксиологическое содержание откровенных разговоров о политике позволяет судить о сохранении общей идеи гражданского долга. Этому выводу не препятствует отсутствие в речевых партиях коммуникантов лексемы *гражданин*, употребление которой долгое время сопровождалось меной аксиологической маркированности [Левонтина, Шмелев 2019: 166—171]. Не вызывает сомнения наличие у говорящих равнодушной гражданской позиции. О сохранении «вместилища для общих идей» свидетельствует также аксиологическая переключка (*родня / Россия / Украина*), вселяющая надежду на возрождение братских отношений между странами. Не исчезает желание видеть свою страну могучей передовой державой, которой можно гордиться. В целом возросшая тенденция к персонализму сопровождается осознанным аксиологическим выбором общих идей, на которых базируется духовная культура народа. Опора на эти идеи необходима для осуществления социально ориентированной государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. Несколько мыслей о «евразийстве» К. С. Трубецкого / С. Аверинцев. — Текст : непосредственный // Новый мир. — 2003. — № 2. — С. 137—149.
2. Байкулова, А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан / А. Н. Байкулова. — Саратов : Наука, 2014. — 216 с. — Текст : непосредственный.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с. — Текст : непосредственный.
4. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 380 с. — Текст : непосредственный.
5. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — Москва : Наука, 1993. — 172 с. — Текст : непосредственный.
6. Гайда, С. Стиль как вызов / С. Гайда. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы стилистики. — 2016. — № 22. — С. 13—22.
7. Клемперер, В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. — Москва : Прогресс-Традиция, 1998. — 384 с. — Текст : непосредственный.
8. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений. — Москва : Русская книга, 1994. — Т. 3. — С. 383—560.
9. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. — Москва : Дискурс, 2019. — 524 с. — Текст : непосредственный.
10. Колесов, В. В. Слово и ментальность как национальное своеобразие / В. В. Колесов. — Текст : непосредственный // Обретение смысла : сб. статей, посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. К. А. Роговой. — Санкт-Петербург : Осипов, 2006. — С. 421—440.
11. Кретов, А. А. Русские аксиологемы МАСа-2 / А. А. Кретов, Ю. А. Стародубцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 140—154.
12. Левонтина, И. Б. Либеральный лексикон / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 184 с. — Текст : непосредственный.
13. Матвеева, Т. В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога / Т. В. Матвеева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 89—101.
14. Мокиенко, В. П. Толковый словарь языка Совдепии / В. П. Мокиенко. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с. — Текст : непосредственный.
15. Мустайоки, А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач / А. Мустайоки. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. — Вып. 8 : Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. — С. 123—140.
16. Прозоров, В. В. Диалог с самим собой: дневник как бесценный лирический жанр / В. В. Прозоров. — Текст : непосредственный // Русский язык в центре Европы 19. — Братислава : Ассоциация русистов Словакии, 2019. — С. 66—74.
17. Теория и методика лингвистического анализа политического текста : моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 303 с. — Текст : непосредственный.
18. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

N. A. Kupina

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4154-7323

Y. B. Pikuleva

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1948-3594

 E-mail: natalia_kupina@mail.ru, pik@bk.ru.

Axiological Content of Intra-Family Conversations on Political Issues

ABSTRACT. *The article examines intra-family conversations about politics recorded in 2018-2019. The communicants with whose permission the recordings were made are related residents of Yekaterinburg who openly express their civil position. They are pensioners (in the recent past, a worker, an employee and an engineer) and representatives of the middle generation (a worker, a school teacher, a University teacher). The object of analysis is the axiological content of fragments of dialogic and polylogic interaction on concrete themes. The communication partners focus on the facts and events of domestic and foreign policy. A balanced and at the same time not indifferent attitude to the political reality allows one to conclude that politics becomes an organic component of the axiology of everyday life. In accordance with the purpose of the given research, aimed at identifying and generalizing axiological benchmarks determining the attitude of the Russian citizens to politics, the authors have collected nominations of the basic values, evaluative words and statements, and I-statements, which translate axiological attitudes and judgments about politics, for a special linguo-axiological analysis. It has been established that a rational and analytical approach to the Soviet past and the post-Soviet present, and a realistic attitude to legislative initiatives are combined with mentally pre-set emotional reactions and hyperbolization of the consequences of foreign policy events. The analysis highlights the "guiding" values: **man, family, children, work**; the main values that form the basis of socially oriented policy (economic, energetic, demographic): **justice, quality of life, labor solidarity, civil activity**; political values proper: **civil duty, stability, independence, defense capability, advanced development of the country, a multipolar world**. The revealed tendency to strengthen personalism does not suppress the sense of civil community.*

KEYWORDS: axiological choice; axiology of everyday life; civil duty; common ideas; personalism; conversations on political issues; rhetoric; oral speech; city dwellers.

AUTHOR'S INFORMATION: Kupina Nataliya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Pikuleva Yuliya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kupina, N. A. Axiological Content of Intra-Family Conversations on Political Issues / N. A. Kupina, Y. B. Pikuleva // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 84-93. — DOI 10.26170/pl20-03-09.

ACKNOWLEDGMENTS. Research has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 18-012-00382/18 «Talking in the Family: Axiological Reality and Research Methods (on the material of real conversation of the Urals city dwellers)».

REFERENCES

1. Averintsev, S. A Few Thoughts on "Eurasianism" by K. S. Trubetskoy / S. Averintsev. — Text : unmediated // New World. — 2003. — No. 2. — P. 137—149. [Neskol'ko mysley o «evraziystve» K. S. Trubetskogo / S. Averintsev. — Tekst : neposredstvennyy // Novyy mir. — 2003. — № 2. — S. 137—149]. — (In Rus.)
2. Baykulova, A. N. Oral Informal Communication and Its Varieties: Everyday Speech of the Townspeople / A. N. Baykulova. — Saratov : Science, 2014. — 216 p. — Text : unmediated. [Ustnoe neofitsial'noe obshchenie i ego raznovidnosti: povsednevnyaya rech' gorozhan / A. N. Baykulova. — Saratov : Nauka, 2014. — 216 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Bakhtin, M. M. Aesthetics of Verbal Creativity / M. M. Bakhtin. — Moscow : Art, 1979. — 424 p. — Text : unmediated. [Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — Moskva : Iskuststvo, 1979. — 424 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Vepreva, I. T. Language Reflection in the Post-Soviet Era / I. T. Vepreva. — Yekaterinburg : Publishing House of Ural University, 2002. — 380 p. — Text : unmediated. [Yazykovaya refleksiya v postsovet'skuyu epokhu / I. T. Vepreva. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2002. — 380 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Vinokur, T. G. Speaker and Listener: Variants of Speech Behavior / T. G. Vinokur. — Moscow : Science, 1993. — 172 p. — Text : unmediated. [Govoryashchiy i slushayushchiy: varianty rechevogo povedeniya / T. G. Vinokur. — Moskva : Nauka, 1993. — 172 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Gayda, S. Style as a Challenge / S. Gaida. — Text : unmediated // Actual Problems of Stylistics. — 2016. — No. 22. — P. 13—22. [Stil' kak vyzov / S. Gayda. — Tekst : neposredstvennyy // Aktual'nye problemy stilistiki. — 2016. — № 22. — S. 13—22]. — (In Rus.)
7. Klemperer, V. Language of the Third Reich. Notebook of the Philologist / V. Klemperer. — Moscow : Progress-Tradition, 1998. — 384 p. — Text : unmediated. [Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa / V. Klemperer. — Moskva : Progress-Traditsiya, 1998. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy].
8. Il'in, I. A. The Path to Evidence / I. A. Ilyin. — Text : unmediated // Collected Works. — Moscow : Russian Book, 1994. — V. 3. — P. 383—560. [Put' k ochevidnosti / I. A. Il'in. — Tekst : neposredstvennyy // Sobranie sochineniy. — Moskva : Russkaya kniga, 1994. — T. 3. — S. 383—560]. — (In Rus.)
9. Karasik, V. I. Language Bridges of Understanding / V. I. Karasik. — Moscow : Discourse, 2019. — 524 p. — Text : unmediated. [Yazykovye mosty ponimaniya / V. I. Karasik. — Moskva : Diskurs, 2019. — 524 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Kolesov, V. V. Word and Mentality as a National Identity / V. V. Kolesov. — Text : unmediated // Making Sense : collection of articles dedicated to the anniversary of Dr. Filol. sciences, prof.

K. A. Rogovaya. — St. Petersburg : Osipov, 2006. — P. 421—440. [Slovo i mental'nost' kak natsional'noe svoeobrazie / V. V. Kolesov. — Tekst : neposredstvennyy // Obretnenie smysla : sb. statey, posvyashchennyy yubileyu d-ra filol. nauk, prof. K. A. Rogovoy. — Sankt-Peterburg : Osipov, 2006. — S. 421—440]. — (In Rus.)

11. Kretov, A. A. Russian Axiological Patterns of MAS-2 / A. A. Kretov, Yu. A. Starodubtseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 2 (56). — P. 140—154. [Russkie aksiologemy MASA-2 / A. A. Kretov, Yu. A. Starodubtseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 2 (56). — S. 140—154]. — (In Rus.)

12. Levontina, I. B. Liberal Lexicon / I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — St. Petersburg : Nestor-History, 2019. — 184 p. — Text : unmediated. [Liberal'nyy leksikon / I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — Sankt-Peterburg : Nestor-Istoriya, 2019. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Matveeva, T. V. On the Method of Revealing the Value Information of Conversational Dialogue / T. V. Matveeva. — Text : unmediated // Scientific dialogue. — 2018. — No. 10. — P. 89—101. [O metode vyavleniya tsennostnoy informatsii razgovornogo dialoga / T. V. Matveeva. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnyy dialog. — 2018. — № 10. — S. 89—101]. — (In Rus.)

14. Mokienko, V. P. Explanatory Dictionary of the Language of the Soviets / V. P. — St. Petersburg : Folio Press, 1998. — 704 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii / V. P. Mokienko. — Sankt-Peterburg : Folio-Press, 1998. — 704 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Mustayoki, A. Speech Genres and Risks of Communicative Failures / A. Mustajoki. — Text : unmediated // Speech Genres. —

Saratov ; Moscow : Labyrinth, 2012. — Issue. 8 : In Memory of Konstantin Fedorovich Sedov. Genre and Creativity. — P. 123—140. [Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach / A. Mustayoki. — Tekst : neposredstvennyy // Zhanry rechi. — Saratov ; Moskva : Labirint, 2012. — Vyp. 8 : Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova. Zhanr i tvorchestvo. — S. 123—140]. — (In Rus.)

16. Prozorov, V. V. Dialogue with Oneself: a Diary as an Invaluable Lyrical Genre / V. V. Prozorov. — Text : unmediated // Russian in the Center of Europe 19. — Bratislava : Slovak Association of Russianists, 2019. — P. 66—74. [Dialog s samim soboy: dnevnik kak bestsennyy liricheskiy zhanr / V. V. Prozorov. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v tsentre Evropy 19. — Bratislava : Assotsiatsiya rusistov Slovakii, 2019. — S. 66—74]. — (In Rus.)

17. Theory and Methodology of Linguistic Analysis of a Political Text: monograph. / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2016. — 303 p. — Text : unmediated. [Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. — 303 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Yekaterinburg, 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991—2000) / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)